ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Сборник, посвященный юбилею
Игоря Евгеньевича СУРИКОВА

Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Синицына

Москва
2016

УДК 904
ББК 63.3(0)32
С 90

ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова. Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Синицына. – М., Издательство «Алькор Паблишерс», 2016. – 480 с.

Сборник посвящен пятидесятилетнему юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова – доктора исторических наук, одного из ведущих отечественных специалистов по истории Древней Греции, автора почти 400 научных работ, в том числе более 20 монографий. В широком спектре научных проблем, представленных в книге, центральное место занимает вопрос о взаимоотношении полиса, державы и империи, рассматриваемый на материале как древнегреческой, так и римской истории; он является одной из магистральных тем в научном творчестве юбиляра. Ряд статей посвящен также историографии, античной культуре и ее рецепции в последующие эпохи.

ISBN 978-5-906099-65-5
© Алькор Паблишерс, 2016

ДРЕВНИЙ РИМ: ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

А.М. Сморчков

ЦИВИТАС МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ПОСЛЕДНИЙ ШАГ[1]

Особая процедура перехода от мира к войне, существовавшая у римлян с незапамятных времен и наиболее полно воплотившаяся в фециальном праве, имела целью обеспечить благосклонность богов[2]. Среди многочисленных условий и элементов, призванных привлечь богов на сторону римлян, важную роль играло объявление войны[3], четко обозначавшее рубеж между ней и миром. Критикуя Антония за развязывание войны с парфянами в 36 г. до н.э., автор II в. н.э. Флор (IV. 10. 2) подчеркивает, что тот совершил нападение «без повода, без плана и даже без – хотя бы для вида – объявления войны» (neque causa neque consilio ac ne imaginaria quidem belli indictione). А ведь речь шла совершенно о другом народе, не связанном с римлянами общностью представлений о войне и мире подобно италикам или грекам. Вполне объяснимо внимание, оказываемое данному моменту, после которого мирное время безвозвратно утрачивалось и начиналось новое состояние, полное опасностей и с непредсказуемым результатом. Таким образом, объявление войны можно сопоставить с широко известными «ритуалами перехода», имевшими большое значение в жизни архаического общества. Поэтому, что характерно для того времени, столь важный акт должен был иметь соответствующее религиозное оформление.

Согласно фециальному праву, непосредственно объявлению войны предшествовала довольно длительная процедура предъявления претензий (res repetere), продолжавшаяся 30 дней (или 33)[4]. Ее целью было добиться удовлетворения требований мирным путем[5]. Отмеченная глубокой архаикой, она включала в себя различные этапы с соответствующими обрядами фециалов. Наиболее подробный рассказ со многими деталями содержится у Тита Ливия (I. 32. 4–14), Дионисия Галикарнасского (*AR*. II. 72) и Сервия (*Ad Aen*. IX. 52; X. 14). После возвращения в Рим фециалы делали доклад сенату, который принимал решение о войне, в определенные эпохи и при определенных обстоятельствах утверждавшееся на народном собрании[6].

---

1 Публикация подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ «Полис и надполисные структуры в греко-римском мире: формы и эволюция взаимоотношений»

2 *Albert S.* Bellum iustum. Die Theorie des “gerechten Krieges” und ihre practische Bedeutung für die auswärtigen Auseinandersetzungen Roms in republicanischer Zeit. Kalmünz, 1980; *Rüpke J.* Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. S. 103–124; *Zuccotti F.* «Bellum iustum» o del buon uso del diritto romano // Rivista di diritto Romano. IV. 2004. 64 p.; *Liebs D.* Bellum iustum in Theorie und Praxis // Ars iuris. Festschrift für Okko Behrends zum 70. Geburtstag. Göttingen, 2009. S. 305–318; *Cursi M. F.* «Bellum iustum» tra rito e «iustae causae belli» // Index. 2014. No 42. P. 569–585; *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. Torino, 2014; *Сини Ф.* Varr. De ling. lat. 5. 86 и римское «международное право» (размышления о fides, bellum, hostis, pax) // Древнее право. 2003. №2 (12). С. 42–80. Весьма полную подборку источников см.: *Drexler H.* Politische Grundbegriffe der Römer. Darmstadt, 1988. S. 188–226 (=Bellum iustum // RhM. 1959. Bd 102. S. 97–140).

3 Cic. *Rep*. II. 31. Ср.: Cic. *Off*. I. 36; Lact. *Inst*. VI. 9. 4.

4 Из недавно вышедших работ подробный анализ, в том числе историографический, см.: *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations // Priests and State in the Roman World / Ed. by J. H. Richardson and F. Santangelo. Stuttgart, 2011. P. 199–204; *Ravizza M.* Aspetti giuridico-sacrali del rituale feziale nell’antica Roma // Jura gentium. 2014. Vol. XI. No 2. P. 32–39; *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. P. 32–46.

5 Varro. *De vit. pop. Rom.* 75R (= Non. P. 850L, 529M); Plut. *Numa*. 12. Ср. Plaut. *Amph*. 204–210.

6 *Liv.* I. 32. 11–13; IV. 30. 15; VII. 6. 7; 32. 1; X. 45. 7; Dionys. Hal. *AR*. II. 72. 9. Об участии народного собрания см.: *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations. P. 204 (esp. not. 75).

После принятия решения о войне наступал заключительный этап, анализу которого и посвящена предлагаемая статья. Дионисий об этом этапе вообще не говорит. В рассказе Ливия фециал – а именно, глава коллегии pater patratus (Serv. *Ad Aen.* IX. 52; X. 14), упоминавшийся и на предыдущей стадии, – опять отправлялся к границам врага и в присутствии трех взрослых свидетелей произносил ритуальную формулу, в которой объявлялась война (Liv. I. 32. 12–13)[7]. Затем он бросал на вражескую территорию копье с железным наконечником или даже с обожженным концом (ferratam aut praeustam sanguineam)[8]. Последний вариант (примитивное копье с обожженным наконечником) свидетельствует о чрезвычайной древности обряда. Две трактовки имеет и использованный Ливием эпитет sanguineus (ibid. 12), который относится к обоим вариантам копий (в соответствии с общепринятой эмендацией Й. Мадвига, поменявшего местами рукописное sanguineam praeustam[9]). Современные исследователи склонны считать, что Ливий использовал редкое значение слова sanguis, обозначавшее кизил с его кроваво-красными плодами и побегами[10]. В таком значении оно упомянуто в сочинении авторитетного в древности знатока этрусского учения Тарквития Приска (I в. до н.э.) «Книга знамений, связанных с деревьями» (Macr. *Sat*. III. 20. 3)[11]. Тарквитий причисляет это растение к т.н. несчастливым деревьям (arbores infelices), находящихся в ведении подземных богов (ibid.). Но не следует исключать и возможность понимания sanguineus как «обагренное кровью» (видимо, жертвенного животного)[12]. В любом случае, и тот, и другой вариант наполнены глубоким религиозным смыслом[13].

О важности ритуала метания копья свидетельствует сохранение его в измененном виде даже тогда, когда с расширением римской державы его реальное осуществление столкнулось с серьезными трудностями. Как рассказывает продолжатель Сервия (Девтеро-Сервий), во времена Пирра римляне, не найдя место, где фециалы могли бы осуществить этот обряд по отношению к «заморскому» врагу, взяли пленника из войска Пирра и заставили его купить участок земли перед храмом богини войны Беллоны. Этот участок объявили вражеской землей для проведения необходимого ритуала объявления

7 Явно заметно, что предыдущий этап (res repetere) и тот, о коем пойдет речь (bellum indicere), являются совершенно разными ритуалами, а сведения о них Ливий заимствовал из разных источников и объединил в рамках одного сообщения: *Rüpke J.* Domi militiae. S. 105; *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations. P. 201–204; 209.

8 Liv. I. 32. 12–14. Ритуальную формулу, несколько отличную, от той, которую привел Ливий, равно как и копье, бросаемое фециалом, упоминает также Авл Геллий (XVI. 4. 1) со ссылкой на сочинение римского юриста и грамматика I в. до н.э. Луция Цинция «О военном деле». О различиях между Цинцием и Ливием см.: *Ogilvie R. M.* A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford, 1965. P. 135–136; *Rüpke J.* Domi militiae. S. 105; *Rich J. Fetiales* and Roman International Relations. P. 205. Копье, которое кидает фециал, упоминает и Сервий, основываясь на информации Ливия (Serv. *Ad Aen.* IX. 52; X. 14). Самое ранее упоминание встречается у Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), чье сообщение передал в стихах в поэме «Хилиады» византийский автор XII в. Иоанн Цец: Diod. VIII. 26 (= Tzetz. *Hil*. V. 555–561). По всей видимости, замечание Диодора было связано с вышеупомянутым рассказом о войне с Альба Лонгой (ср. Diod. VIII. 25).

9 *Madvig J. N.* Emendationes Livianae. Ed. 2. Copenhagen, 1877. P. 55–56.

10 *Butler H. E.* Livy, 1. 32. 12 // CR. 1921. Vol. 35. No 7/8. P. 158; *Bayet J.* Le rite du fécial et le cornouiller magique // MEFRA. 1935. Vol. 52. P. 29–76; *Ogilvie R. M.* A Commentary on Livy. P. 135 (здесь же о магическом значении железа и кизила); *Magdelain A.* Quirinus et le droit (*spolia opima, ius fetiale, ius Quiritium*) // *idem*. Ius, imperium, auctoritas. Études de droit romain. Rome, 1990. P. 247. См. также переводы, в том числе на русский язык В.М. Смирина. Как opinio communis: *Rüpke J.* Domi militiae. S. 108. В современной классификации имеется вид «кизил кровяно-красный» (cornus sanguinea).

11 Ср. frutex sanguineus (Plin. *NH*. XVI. 74; 176); virga sanguinea (ibid. XIX. 180; XXIV. 73, ср. D. XLVIII. 9. 9).

12 В старом переводе 1892 г. под ред. П. Адрианова – «запачканное кровью». См. также: *Samter E.* Fetiales // RE. 1909. Bd 6. Sp. 2264; *Wiedemann Th.* The Fetiales: A Reconsideration // CQ. 1986. Vol. 36. No 2. P. 479 (blood-coloured без комментариев); *Liebs D.* Bellum iustum. S. 308 (in Blut getränkte также без аргументации); *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations. P. 208 (развернутая аргументация). Ср.: Dio Cass. LXXII. 33. 3 (τὸ δόρυ τὸ αἱματῶδες); Amm. Marc. XIX. 2. 6 (hasta infecta sanguine). Впрочем, возможно, что и у Диона Кассия речь идет о кроваво-красном цвете, а не о крови: *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 122. Anm. 1.

13 Возможно, этот акт имел и правовую сторону, обозначая захват вражеской территории: *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. S. 122 (со ссылкой на работу французского исследователя J. Bayet); *Ravizza M.* Aspetti giuridico-sacrali. P. 40 (историография: not. 52). Против: *Wiedemann Th.* The Fetiales. P. 483. Детальное поэтапное сопоставление общественной процедуры indictio belli, рассматриваемой как религиозно-правовая (guiridico-religioso), с частным процессом per legis actiones см.: *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. P. 56–71 (библиография: not. 1). Это представление, в том числе о генетической связи обеих процедур, весьма распространено в историографии: *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations. P. 215, not. 110; 111. См. также: *Wiedemann Th.* The Fetiales. P. 487–488 (касательно других действий фециалов, но с некоторым скепсисом); *Майорова Н Г.* Коллегия фециалов // Жреческие коллегии в Раннем Риме / Л.Л. Кофанов (ред.). М., 2001. С. 166–167; *Кофанов Л.Л.* Виндикация в римском публичном праве // Древнее право. 2008. №2 (22). С. 52–56. Критику данного представления см.: *Rich J.* The *Fetiales* and Roman International Relations. P. 215.

войны (Serv. auct. *Ad Aen.* IX. 52). Позже там была посвящена колонна для той же цели (т.н. columna bellica)[14]. Таким образом, теперь ритуал метания копья можно было осуществлять непосредственно в Риме, точнее, за его померием, где находился этот участок. Интересную параллель представляет осуществление т.н. «ауспиций выхода», предваряющих выход полководца из Рима на войну. В случае возникновения сомнений в их правомочности (incerta auspicia) магистрат должен был вернуться в Рим для повторного их проведения, что могло происходить только на освященной территории города Рима[15]. Но после расширения римского государства за пределы Италии стали прибегать к следующему акту (в типично римском духе): в случае необходимости возобновления ауспиций, чтобы консулу не нужно было возвращаться в далекий Рим, на захваченной земле в данной провинции одно место провозглашалось римским, куда и отправлялся полководец[16]. Это напоминает по своей религиозной интерпретации фециальные обряды объявления войны перед columna bellica, пришедшие на смену реальному объявлению войны фециалами. Объединяет оба обряда как то, что от них зависел успех всей военной кампании, так и то, что оба они являлись «ритуалами перехода», совершаемыми на «римской земле», но предполагающими действия на чужой, вражеской, территории.

Такое приспособление архаичного обычая к изменившимся условиям вполне в духе римской религии, но оно же является показателем его значимости. Последний известный случай, когда прибегли к метанию копья, относится к императору Марку Аврелию в 178 г. перед выходом на маркоманнскую войну (Dio Cass. LXXII. 33. 3). Марк Аврелий, несомненно, был фециалом, как до него Август (RGDA. 7; Dio Cass. L. 4. 5) и Клавдий (Suet. *Claud*. 25. 5), и, конечно, другие императоры. Впрочем, это обращение к архаическому ритуалу, скорее всего, было в то время лишь символическим жестом, а не живой, обыденной практикой, почему Дион Кассий и обратил внимание на данное событие, причем сославшись на свидетелей.

Отношение к сведениям о ритуале метания копья, в том числе перед columna bellica, в историографии весьма неоднозначно. И если К. Латте оспаривает лишь историчность рассказа Девтеро-Сервия[17], то другие исследователи отрицают существование самого этого ритуала, считая его изобретением Октавиана перед началом войны с Клеопатрой[18]. Конечно, сложно говорить о степени достоверности античной традиции[19]. Ведь практически вся информация о связи фециалов с объявлением войны относится к царскому и раннереспубликанскому времени, а наиболее полная – к рассказу об их происхождении при первых, полулегендарных, царях. Но и весьма критичное отношение к античной традиции о фециалах, вытекающее из общеизвестных сложностей источниковедения раннего Рима, имеет обратную сторону в такой же недоказуемости собственных гипотез. В источниках нет ни единого намека на «творчество» Октавиана касательно рассматриваемого ритуала метания копья. Если этот обряд был «изобретен» ad hoc для объявления конкретной войны, то непонятно, почему Ливий, современник событий, дает два варианта для наконечника копья (железный или обожженный)[20]. В конце концов, и об этом акте, когда Октавиан выступил в качестве фециала в 32 г. до н.э. около храма Беллоны при объявлении войны Клеопатре, сообщает лишь один автор (Dio Cass. L. 4. 5), который жил двумя с половиной веками позже. Чем не повод для сомнений?! К тому же, строго говоря, Дион Кассий не упоминает метание копья[21].

14 Serv. auct. *Ad Aen*. IX. 52. Ср.: Ovid. *Fast*. VI. 205–208; *Fest.* P. 30L, s. v. Bellona; Dio Cass. L. 4. 5; LXXII. 33. 3; Serv. *Ad Aen.* IX. 52.

15 Liv. VIII. 30. 1–2; 32. 4; 7; 34. 4; X. 3. 6; XXIII. 19. 3; *De vir. ill*. XXXI. 1; Val. Max. III. 2. 9; ILS. 53.

16 Serv. auct. *Ad Aen.* II. 178. Ср.: Val. Max. II. 7. 4; Front. *Strat*. IV. 1. 31.

17 *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. S. 122. Anm. 3. Схожие взгляды: *Rawson E.* Scipio, Laelius, Furius and the Ancestral Religion // JRS. 1973. Vol. 63. P. 167; *Rich J. Fetiales* and Roman International Relations. P. 207 (с указанием возможных вариантов трактовки скудных данных).

18 *Wiedemann Th.* The Fetiales. P. 481–483 (esp. not. 13); *Rüpke J.* Domi militiae. S. 106–108; 116–117.

19 О проблеме достоверности основной, Ливиевой, традиции см.: *Calore A.* Appunti sul bellum iustum. P. 21–24 (историография: not. 40).

20 Другие аргументы, равно как аргументы предшественников, см.: *Rich J. Fetiales* and Roman International Relations. P. 206–207; *Ravizza M.* Aspetti giuridico-sacrali. P. 42; *Santangelo F.* I feziali fra rituale, diplomazia e tradizioni inventate // Sacerdos. Figure del sacro nella società romana / A cura di G. Urso. Pisa, 2014. P. 93–95 (историография: not. 37).

21 *Dio Cass.* L. 4. 5: «(римляне), придя к (храму) Беллоны, совершили с помощью Цезаря в качестве фециала все предваряющие войну (обряды) согласно обычаю» (πρὸς τὸ Ἐνυεῖον ἐλθόντες πάντα τὰ προπολεμία κατὰ τὸ νομιζόμενον, διὰ τοῦ Καίσαρος ὡς καὶ φητιαλίου, ἐποίησαν).

Есть также определенный резон и в утверждении Й. Рюпке, что метание копья является не объявлением войны (Kriegserklärung), а ее началом (Kriegseröffnung), поскольку при совершении ритуала отсутствуют представители вражеской стороны[22]. Однако как можно было обеспечить их реальное присутствие, минимизировав при этом риск для самих римлян, которые тут же становились врагами? И тот же Й. Рюпке признает, что для совершения ритуала важно было лишь наличие вражеской земли. Действительно, его осуществляли явно не для людей (враги и так уже знали и понимали неизбежность войны после своего отказа следовать требованиям римлян) – а для богов, чтобы окончательно обеспечить их благосклонность к римлянам как начинающим войну справедливую, использовавшим все способы ее избежать и исполнившим все необходимые обряды. Интересно, что ни Ливий, ни Цинций, процитировавшие торжественную формулу, которую произносили перед метанием копья (см. прим. 7), не упоминают богов, хотя призыв к ним при ее произнесении вполне ожидаем и уместен. Обращение к ним встречается на первом этапе объявления войны, и этот акт происходил в присутствии врагов. Как видим, второй (окончательный) этап объявления войны «обошелся» без тех и других[23]. Несомненно, отсутствие необходимости в присутствии врага для действенности процедуры метания копья облегчило прикрепление ее к определенному месту в самом Риме.

Возможно, упомянутая война с Пирром, первым «заморским» врагом Рима, привела к серьезным изменениям в процедуре объявления войны, ограничившим роль фециалов в этой области исключительно исполнением ритуалов в Риме и консультациями по сакральному праву в данной сфере компетенции[24]. Когда это направление деятельности фециалов сошло на нет – неизвестно, но, по всей видимости, именно оно пало первым под натиском изменившихся внешнеполитических условий[25]. Ведь о таких их функциях, как участие в заключении договоров и выдаче виновных, мы знаем из конкретных событий в исторические времена, тогда как об участии в объявлении войны (и предшествовавших тому переговорах) – почти исключительно из антикварной традиции. Для эпохи ранней Республики их участие в процедурах, предшествовавших войне, все же указывается в источниках[26]. При этом показательно, что в ряде случаев фециалы упоминаются вместе с послами[27]. Таким образом, складывается впечатление, что уже тогда их участие ограничивалось ритуальной стороной, а реальные действия (переговоры и решения) осуществляли сенатские послы[28]. Данное обстоятельство, несомненно, также облегчило ограничение фециальной активности чисто ритуальной деятельностью. Что касается следующего этапа в истории Римской республики, то о каком-либо исполнении фециалами обрядов, предваряющих войну, сведений нет, хотя мы имеем весьма подробные рассказы о начале ряда крупных войн в период борьбы Рима за гегемонию в Средиземноморье. В лучшем случае, и то лишь предположительно, можно говорить об осуществлении фециалами религиозных обрядов в Риме, в частности, такого как метание копья у columna bellica. Все же сложно представить, чтобы этот ритуал вышел из употребления вплоть до Августа: ведь проводиться он должен был

22 *Rüpke J.* Domi militiae. S. 109. Ср. *Rich J. Fetiales* and Roman International Relations. P. 208–209; 224. Однако, строго говоря, у Ливия не сказано, кто такие упомянутые им трое свидетелей ритуала метания копья – римляне или враги. Ведь не исключен и последний вариант: *Cimma M. R.* I feziali e il diritto internazionale antico // Древнее право. №1 (6). 2000. P. 25.

23 Впрочем, А. Магделен доказывает, что богом, под покровительством которого совершался ритуал метания копья, являлся Квирин: *Magdelain A.* Quirinus et le droit. P. 246–252.

24 Известны два таких случая обращения политической власти к фециалам за консультациями по поводу объявления войны – при начале Второй Македонской и Сирийской войн: Liv. XXXI. 8. 3; XXXVI. 3. 7–12; XXXVIII. 46. 11.

25 *Samter E.* Fetiales. Sp. 2264.

26 Прямые упоминания фециалов (всего тринадцать случаев): Liv. IV. 30. 13; 14; 58. 1; VII. 6. 7; 9. 2; 16. 2; 32. 1; VIII. 22. 8; 39. 13; IX. 45. 6; X. 12. 2; 45. 7; Dionys. Hal. *AR*. IX. 60. 6; X. 23. 1; XV. 7. 6; 9. 1-2. Легаты (послы) со схожими функциями: *Liv.* III. 2. 3; 6; 25. 6; 8; 9; IV. 17. 2; 3; 6; 58. 6-7; VIII. 23. 3; 8; Dionys. Hal. *AR*. V. 37. 3; 50. 3; 51. 2; 52. 1; VIII. 64. 1-2; 91. 1-2; XV. 5. 1; 6. 5; XVII/XVIII. 1. 4; 2. 1; 3. События, в которых упоминаются фециалы, у Ливия и Дионисия не совпадают ни разу, хотя в случае Второй Самнитской войны, по всей видимости, из-за лакуны у Ливия (VIII. 23. 10, ср. 39. 13).

27 Liv. IV. 58. 1; VII. 32. 1; Dionys. Hal. *AR*. IX. 60. 3–6 (фециалы: 6); X. 22. 5 –23. 1 (фециалы: 23. 1); XV. 7; 9 (фециалы: 7. 6; 9. 1–2). Ср. точно такое же указание на соучастие фециалов и послов содержится в рассказе о Тулле Гостилии (Dionys. Hal. *AR*. III. 3. 3–6). Как можно заметить из сопоставления с предыдущей сноской, в тех немногих случаях, когда Дионисий упоминает фециалов, они всегда действуют вместе с послами. По всей видимости, таким он представлял себе предназначение фециалов – а именно, для ритуального оформления дипломатических актов.

28 Отечественная исследовательница Н. Г. Майорова считает возможным даже разделить между фециалами и послами этапы изучаемой процедуры объявления войны и относит первый этап (rerum repetitio/clarigatio) к ведению послов: *Майорова Н. Г.* Коллегия фециалов. С. 150–159; 169–170 (наиболее полная формулировка вывода: с. 156).

регулярно ввиду постоянной военной активности Рима, к тому же являлся обязанностью особых лиц, т.е. фециалов.

На первый взгляд, объяснение отмеченному изменению вполне простое и понятное: ведь ритуал фециалов возник тогда, когда Рим был маленькой общиной на Тибре, соответственно, внешние проблемы относились к ближайшей округе, по мере же расширения римской экспансии его применение стало затруднительным[29]. Должно было сказаться и то обстоятельство, что ритуал фециалов требовал такого же или подобного института у других народов. Но главной причиной, по моему мнению, явилась характерная для Республики с самого ее основания общая тенденция, неблагоприятная для политических полномочий жрецов и сводившая их функции к религиозным актам и консультациям в этой области[30]. Как можно видеть, подобное ограничение полномочий жрецов собственно религиозными задачами хорошо заметно и у фециалов.

29 Хотя, как справедливо отмечают исследователи, не настолько, чтобы сделаться невозможным: *Wiedemann Th.* The Fetiales. P. 481–482; *Rich J. Fetiales* and Roman International Relations. P. 224.

30 *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Abt. 1. Aufl. 3. Leipzig, 1887. S. 689; *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. С. 211–226.